

Queen
Pom

Ф и л и п

Р о т

Л ю д с к о е

к л е й м о

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

P79

Philip Roth
THE HUMAN STAIN

Copyright © 2000, Philip Roth

All rights reserved

Перевод с английского *Леонида Мотылева*

Рот, Филип.

P79 Людское клеймо / Филип Рот ; [перевод с английского Л. Мотылева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-197762-7

Может ли одно слово раз и навсегда разрушить репутацию и жизнь? Почтенный преподаватель античной словесности Коулмен Силк подставился под удар порицания общества, стоило ему неосторожно высказаться. Сможет ли он отмыться от несправедливого клейма и принять самого себя? Мастерски написанный роман Филипа Рота о культуре отмены в Америке.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Мотылев Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-197762-7

Посвящается Р. М.

Эдип

Каким же очищением? Чем помочь?

Креонт

Изгнанием иль кровь пролив за кровь...

Софокл. «Царь Эдип»¹

¹ Перевод С. Шервинского. (Здесь и далее – прим. перев.)

ВСЕМ ИЗВЕСТНО

Летом 1998 года — вот когда мой сосед Коулмен Силк, два года как пенсионер, а до того сначала двадцать с чем-то лет профессор античной словесности в близлежащем Афина-колледже, затем еще шестнадцать лет декан этого учебного заведения, признался мне, что в свои семьдесят один вступил в связь с тридцатичетырехлетней уборщицей, работающей в колледже. Дважды в неделю она, кроме того, убиралась на нашей захолустной почте — в обшитом досками сером домике, который выглядит так, словно какая-нибудь горемычная семья еще в тридцатые годы укрывалась в нем от пыльных бурь Оклахомы, и который в унылой заброшенности «коммерческого центра» нашего лежащего среди холмов городишки держит над собой американский флаг у перекрестка дорог напротив бензоколонки и торгующего всем подряд магазина.

В первый раз они встретились вот как: Коулмен за несколько минут до закрытия приехал на почту забрать корреспонденцию, а она мыла там пол — высокая, худая, угловатая женщина со светлыми седеющими волосами, собранными в «конский хвост», и с жесткими, будто изваянными чертами лица, которые обычно ассоциируются с типом набожной, трудящейся от зари до зари новоанглийской домохозяйки, прошедшей через суровые испытания ранних колониальных лет, запертой внутри господствующей морали и послушной ее требованиям. Ее звали Фауни Фарли, и все беды, какие ей выпали, она прятала, прикрывая их одним из тех невыразительных костлявых лиц, что, кажется, не таят в себе ровно ничего и говорят лишь о безграничном одиночестве. Обитала Фауни на молочной ферме поблизости, где расплачивалась за проживание дойкой коров. Образование — начальная школа и два класса средней.

Лето, когда Коулмен поведал мне о Фауни Фарли и их общей тайне, было, что знаменательно, тем самым летом, когда тайна Билла Клинтона сделалась явной во всех деталях — деталях *правдоподобных* и вместе с тем *невероятных*, чье правдоподобие, как и невероятность, обеспечивалось пикантностью конкретных обстоятельств. Ничего похожего мы не переживали с тех самых пор, как некто натолкнул

ся на снимки новоиспеченной Мисс Америка голышом в старом номере «Пентхауса», где она была сфотографирована в элегантных позах и на коленях, и на спине, — после чего пристыженная девица отказалась от короны и заделалась поп-звездой первой величины. Лето девяносто восьмого в Новой Англии было на редкость теплым и солнечным, в бейсболе оно было летом эпического противостояния двух богов биты — белого и коричневого, а в Америке — летом мощнейшего разгула добропорядочности, когда терроризм, пришедший было на смену коммунизму в качестве главной угрозы безопасности страны, уступил место оральному сексу, когда цветущий молодежавый президент средних лет и увлекшаяся им беззастенчивая особа двадцати одного года, самозабвенно, как парочка подростков на автостоянке, занятые друг другом в Овальном кабинете, оживили старейшую общественную страсть Америки — исторически, возможно, ее самую вредоносную, самую предательскую радость — экстаз ханжества. В Конгрессе, в печати, на телевидении — всюду с развернутыми знаменами пошла в атаку высоконравственная актерствующая сволочь, жаждущая обвинить и стереть в порошок, морализирующая на всю катушку, охваченная рассчитанно праведным гневом, обуянная тем самым «духом гонений», о котором еще в шестидесятые годы XIX века писал Готорн,

живший не так далеко от моего здешнего дома; посредством некоего вяжуще-очистительного ритуала эти люди вознамерились избавиться от эрекции в органах исполнительной власти, придать всему вид уютного благолепия и вновь дать возможность десятилетней дочке сенатора Либермана без опаски смотреть телевизор вместе с потрясенным до глубины души папочкой. Нет, если вы не жили здесь в 1998 году — вы не знаете, что такое ханжество. Уильям Бакли, который ведет колонку в ряде консервативных газет, писал: «Когда подобным образом поступил Абеляр, нашелся способ сделать так, чтобы это не повторялось», — намекая, что наказанием за президентский проступок, продиктованный тем, что в другом месте Бакли назвал «разнузданной похотью» Клинтона, должна быть отнюдь не столь бескровная процедура, как импичмент, а ни больше ни меньше — телесное увечье, какое нанесли в XII веке канонику Абеяру вооруженные ножами подручные каноника Фюльбера в отместку за тайную связь и брак с племянницей Фюльбера девицей Элоизой. В отличие от Хомейни, приговорившего своей фетвой к смерти Салмана Рушди, Бакли, мечтая о воздаянии посредством кастрации, не позаботился о денежном вознаграждении для потенциального исполнителя — однако он был столь же требователен, как и аятолла, и вдохновлялся столь же возвышенными идеалами.

Для Америки то было лето, когда вновь делалось тошно, когда не иссякали шуточки, когда не иссякали домыслы, теоретизирование и преувеличения, когда нравственную необходимость разъяснять детям взрослую жизнь оттеснила в сторону нравственная необходимость поддержания в них всевозможных иллюзий насчет взрослой жизни, когда ничтожество людское было просто убийственно, когда в народ вселился некий демон, когда люди по обе стороны разделительной черты удивлялись: «Спятели мы все, что ли?», когда мужчины и женщины, проснувшись утром, обнаруживали, что ночью, унесенные сном из царства зависти и отвращения, они грезили о наглости Билла Клинтона. Что до меня, я мечтал об исполинском, дадаистически окутывающем весь Белый дом на манер затей Христо¹ полотнище с надписью: ЗДЕСЬ ОБИТАЕТ ЧЕЛОВЕК. То было лето, когда в миллиардный, наверное, раз оказалось, что людская сумятица, свалка, заваруха потрудней для понимания, чем чья-то идейная позиция и чей-то моральный облик. То было лето, когда у всех на уме был президентский член и когда жизнь, во всем ее бесстыжем несовершенстве, опять сбила Америку с панталыку.

¹ Христо Явашев (1935–2020) – американский скульптор, известный своими «пакетами» – строениями, обернутыми в синтетические ткани.

Коулмен Силк иногда звонил мне по субботам и приглашал после обеда приехать к нему с другого склона холма, где я жил, послушать музыку, поиграть в кункен по центу за очко или просто посидеть пару часов у него в гостиной за рюмкой коньяку и помочь ему скоротать вечер, который всегда был для него худшим на неделе. В большом старом белом обшитом доской доме, где они с женой Айрис вырастили четверых детей, он к тому лету уже почти два года жил один — с тех пор как Айрис скоропостижно умерла от инсульта в разгар его битвы с колледжем, разгоревшейся из-за обвинения в расизме, выдвинутого против него двумя его студентками.

Коулмен провел в Афине почти всю свою преподавательскую жизнь — общительный, остроумный человек, полный спокойной силы и столичного обаяния, наполовину боец, наполовину ловкач, ничего общего с привычным типом педанта, втолковывающего студентам греческий и латынь (одно из свидетельств тому — «греко-латинский клуб разговорного языка», который он, вопреки всем канонам, учредил, будучи еще молодым преподавателем низшего ранга). Именно его неакадемическая прямота, раскованность и уверенность в себе сделали его прославленный обзорный курс древнегреческой литературы в переводах (в обиходе — БГМ, то есть «Боги, герои,

мифы») таким популярным у студентов. «Знаете, с чего началась европейская литература? — спрашивал он на первом занятии после переключки. — Со ссоры. Вся европейская словесность родилась из драки». Затем открывал том «Илиады» и читал вслух начало: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына... / С одного дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою / Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный»¹. Из-за чего же поссорились эти две мощные, неистовые личности? Это так же просто, как мордобой в пивнужке. Из-за бабы, конечно. Точнее — из-за девчонки, которую увели от отца. Которая была военным трофеем. *Миа кофэ* — вот как называет ее Гомер. *Миа*, то есть «одна», в новогреческом превратилось в неопределенный артикль *мня*; *кофэ*, то есть «девушка», превратилось в современном языке в *кофи* — «дочь». Агамемнон, как выясняется, предпочитает эту девицу своей жене Клитемнестре. «Ее Хрисеида не хуже, — говорит он, — прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!» Вот он и не хочет ее отпускать — все, как видите, яснее ясного. Когда Ахилл потребовал, чтобы Агамемнон вернул девушку отцу и умиловил этим бога Аполлона, который был страшно разгневан, Агамем-

¹ Здесь и далее цитаты из «Илиады» даны в переводе Н. Гнедича.